

Кого постичь ты можешь!“ Краснорѣчивымъ органомъ этого требованія, осложненнаго опытнымъ знаніемъ, является Фаустъ. Опираясь на зданіе науки, Фаустъ XIX-го вѣка хочетъ познать всю истину жизни, но въ тоже время стремится къ заоблачнымъ высямъ, чтобъ завоевать міръ идеаловъ. Но текущій вѣкъ—вѣкъ анализа, и анализа безпощаднаго, профанирующаго священнѣйшія традиціи, и гдѣ сокровенные тайники души, гдѣ человекъ жертвуетъ смутно сознаваемому, таинственному „нумену“. Какъ часто вздыхаетъ онъ съ Фаустомъ: „Мгновенье радости почую ли душой,—вмигъ жизни критика его мнѣ разрушаетъ — и образы, лелѣянные мной, гримасою ужасной искажаетъ“.

Въ какой сферѣ реальнаго или идеальнаго найти удовлетвореніе? Гдѣ свобода и откровеніе? Въ природѣ? Но онъ потерялъ способность воспринимать непосредственно; рефлексія замѣнила непосредственность, и въ природѣ онъ ищетъ символа, но и какъ символъ она ставитъ грань пылливому уму.—Въ наукѣ и исторіи человечества? Но онъ знаетъ, что наука шатка и часто роняетъ сегодня то, въ чемъ видѣла истину вчера.—Въ философіи? Но и тутъ воззрѣнія и системы смѣняются, и все онъ „къ безконечному не ближе“. Мыслители, по словамъ Шиллера, „хотѣли заковать истину въ звучное слово, но, могучая и свободная, она пронеслась мимо нихъ, подобно вихрю“. Гдѣ же „недвижный полюсъ“, центръ скоротечныхъ явленій? Онъ хотѣлъ проникнуть въ сущность предметовъ и въ ней найти ключъ къ всепониманію, но убѣдился, что можетъ только констатировать законъ; причина его остается неизвѣстна. Загадочное *почему* всѣхъ явленій должно было уступить мѣсто болѣе доказательному *какъ*.

Реальное не удовлетворяетъ его вполне, а отвлеченное начало ускользаетъ отъ него, не поддается доказательству. Или ему отказаться отъ опыта, чтобъ вернуться къ простой, апіористической истинѣ, предшествовавшей знанію? Но этотъ возвратъ не есть дѣло разума.

Фаустъ измѣняетъ отношеніе свое къ знанію. Онъ хочетъ приобщиться богатой жизни человечества, воплотить въ себѣ всѣ противорѣчія. Микрокосмъ пусть послужитъ ключомъ къ макрокосму.

Подобно ему и XIX-й вѣкъ хочетъ захватить въ ширь то, чего не можетъ достигнуть въ глубь. Совокупность знанія должна дать ему нѣчто цѣльное. Въ объединеніи всѣхъ явленій онъ, можетъ быть, найдетъ тотъ высшій синтезъ, который замѣнитъ ему утраченный въ анализѣ первоначальный синтезъ. XIX-й вѣкъ „вопрошаетъ всѣхъ боговъ“, чтобы понять и почтить тѣ думы, которыя